

заимствовано из языков народов, с которыми русские вступили здесь в контакт. Отсюда то многообразие славянских и неславянских (в этимологическом плане) образований для названий старого русла реки.

Поскольку морфологические системы русского языка и финно-угорских языков различны и в финно-угорских языках нет категории рода, все заимствования в русском языке, как правило, приобретали эту грамматическую категорию и оформлялись соответствующим образом. По наблюдению И.В. Сало¹⁷, большинство заимствований в русском языке оформляются в группу существительных женского рода. Все наши примеры подтверждают это: т и х а, к у р ь я, д а м б и н а, п а в н а и др. – существительные женского рода.

-
- 17 Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков..., с.8-9.

М.Э. Рут

Уральский университет

К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории русского Севера

Хотя вопрос о финно-угорском субстрате в русском языке не нашел однозначного решения в исследованиях¹, однако признание факта, что таковой субстрат существует, в настоящее время стало общим местом большинства работ исторического цикла русистики. Обстоятельный обзор истории и современного состояния вопроса дан в монографии В.Венкера², поэтому нет необходимости останавливаться на этом подробно. Отметим лишь два момента.

Во-первых, сами понятия "финно-угорский субстрат" и "русский язык" слишком широки, чтобы применять их без

-
- 1 Ср., напр.: Докл. и сообщ. Ин-та языковедения АН СССР, 1956. Т.9. Дискуссия о теории субстрата, с.35 (Б.А.Серебренников), с.98 (В.М.Хирмунский), с.114-115 (А.А.Реформатский), с.120 (П.С.Кузнецов), с.127 (В.Н.Сидоров).
2 Veenker F. Die Frage über der finnougrischen Substrats in der Russischen Sprache. Bloomington, 1967.

должной дифференциации. Справедливым кажется замечание О.Б.Ткаченко: "Выражение "финно-угорский субстрат русского языка" является, в сущности, сокращением более точного понятия - финно-угорские субстраты диалектов русского языка"³ Не отрицая возможности влияния финно-угорского субстрата на систему русского языка в целом, нельзя не признать, что в большинстве случаев необходимо точно определять, влияние субстрата какого финно-угорского языка (диалекта, группы языков) прослеживается в данном русском говоре.

Во-вторых, обращаясь к анализу субстратных вclusions в русском (и любом другом) языке, исследователи по-разному оценивают возможности лексических сопоставлений в этом плане. Так, например, четко негативная позиция у А.А.Реформатского: "Влияние субстрата не связано с лексикой, которая заимствуется очень легко и осваивается заимствующим языком в соответствии с внутренними законами его функционирования и развития без нарушения этих законов; если же в лексике обнаруживается субстрат, то это уже связано с грамматикой и фонетикой"⁴. Для такой точки зрения есть свои основания: лексика действительно наиболее проницаема для внешних влияний, и число заимствований в любом языке всегда очень высоко.

Однако позиция А.А.Реформатского уязвима даже со стороны чистой логики: если признавать субстратное воздействие как воздействие на систему языка в целом, нельзя отрицать его на таком важном уровне, как лексика. Вопрос, таким образом, состоит не в том, существует субстратная лексика или нет, а в том, каковы критерии разграничения субстратной и заимствованной лексики.

Эта проблема может иметь два аспекта.

1. В данном языке вычленяется исконная лексика, лексика, заимствованная из других языков, и лексика неясного происхождения. Каким критериям должна отвечать последняя, что-

3 Ткаченко О.Б. К исследованию финно-угорского субстрата в русском языке. - СЭУ, 1978, № 3, с.205.

4 Докл. и сообщ. Ин-та языковедения АН СССР, с.117. Возражения А.А.Реформатскому см. там же, с.64-67 (В.И.Абаев), с.101 (А.П.Дульзон), с.120 (П.С.Кузнецов), с.122 (И.А.Орбели).

бы ее можно было признать субстратной?

2. Язык А содержит большой слой лексики, находящей явные соответствия в смежном по территории неродственном языке Б. Известно, что некогда носители языка Б были отчасти ассимилированы носителями языка А. Как разграничить субстратную и заимствованную лексику, восходящую к языку Б в языке А?

Именно решение второй проблемы важно для русского Севера, где, с одной стороны, налицо факт ассимиляции финно-угорских народов (племен) русскими, с другой стороны - на протяжении веков имеет место "маргинальный" (по терминологии Б.А.Серебрянникова) контакт с теми же или родственными финно-угорскими народами (финнами, карелами, вепсами и др.). Можно ли определить, в каком случае речь идет о лексике заимствованной, а в каком - о субстратных включениях? Настоящая статья представляет собой попытку предварительного ответа на данный вопрос и ставит своей целью наметить методику исходного анализа материала.

Выделим для рассмотрения следующие вопросы: а) насколько вообще необходимо подобное разграничение; б) какова эффективность предложенных критериев выделения субстратной лексики; в) возможные новые критерии.

Прежде чем приступить к рассмотрению поставленных проблем, остановимся на самом понятии субстрата, которое оказывается различным для разных лингвистов. Не вдаваясь сейчас в констатацию и разбор существующих противоречий в определении лингвистического субстрата, отметим лишь, что наиболее верной представляется точка зрения В.И.Абаева, которая может быть выражена следующими положениями:

1. Языковой субстрат предполагает субстрат этнический.
2. Лингвистическую специфику субстрата можно объяснить только на почве двуязычия.
3. Явление субстрата возникает в тех случаях, когда имеет место массовое усвоение коренным населением чужой речи в результате завоевания, этнического поглощения, политического господства, культурного преобладания и пр.
4. Субстратные элементы, войдя в язык, становятся его органической частью и, стало быть, фактором его внутреннего

развития. При субстрате проникновение несравненно глубже, интимнее, чем при заимствовании⁵.

Таким образом, постулируется связь субстрата с такими внелингвистическими факторами, как этническое взаимодействие, общность территории, наличие двуязычия. С другой стороны, во внутрилингвистическом аспекте субстрат понимается как активное включение в систему языка. Из этого следует, что явление субстрата может изучаться в двух аспектах: а) как отражение древнего взаимодействия народов и, следовательно, как орудие восстановления картины их былого расселения, их быта, их языка; б) как один из источников развития, исторических изменений в системе языка-победителя.

Если субстрат интересует нас как источник сведений о народе и его языке, то важность выделения субстратной лексики особенно велика: и потому, что именно лексика — памятник быта и истории народа, и потому, что субстратная лексика, в отличие от заимствованной, указывает не на зону контакта двух народов, но на территорию расселения народа — носителя языка-субстрата. Иными словами, если мы утверждаем, что данное слово заимствовано русскими у саамов, то это свидетельствует лишь о том, что саамы и русские контактировали между собой. Если же мы утверждаем, что данное слово — субстратное включение из того или иного саамского диалекта в тот или иной русский говор, то, следовательно, речь идет о проживании саамов на территории, ныне заселенной носителями данного русского говора, и о наличии определенных этнических взаимодействий. При этом, как кажется, лексика в массе своей, в силу рыхлости системы, менее способна к переносу при переселениях, перемещениях, чем единицы иных языковых уровней. Жесткость системы становится фактором, обеспечивающим устойчивость: в речи приехавших "свои" словечки теряются гораздо быстрее, чем фонетические и грамматические особенности. Кроме того, лексика наиболее тесно связана с реальностью, с внешним миром, поэтому территориальные передвижения не могут не оказывать своего влияния на изменение лексикона переселенцев. Поэтому субстратная лексика представляется

5 Абазов В.И. О языковом субстрате. — Докл. и сообщ. Ин-та языковедения АН СССР, т.9, с.57 и след.

более территориально привязанной, чем субстратные фонетические и морфологические явления.

Правда, еще более привязана к территории субстратная топонимия, причем для нее проблема разграничения с заимствованной лексикой не стоит – общепринятым является положение, что всякая нерусская по происхождению топонимия является субстратной, если она называет объекты, расположенные на данной территории⁶. Однако набор лексем, представленных в топонимиконе, всегда весьма ограничен (особенно в микротопонимии, где велика стандартизация), поэтому затруднительна дифференциация родственных языков (говоров)–источников. Привлечение апеллятивной лексики в определенной степени расширяет тематические рамки и может дать новую информацию как в лингвистическом, так и в этнографическом плане.

Таким образом, выделение субстратной лексики представляется весьма полезным. Но необходимость выделения еще не означает возможности. Трудность выработки критериев дифференциации субстрата и иных элементов в лексике неоднократно подчеркивалась исследователями (В.И.Абаевым, В.Венкхером и др.). Сложность вопроса становится еще более очевидной, если обратиться к анализу предлагавшихся теми или иными исследователями путей выделения субстратной лексики в языке.

Пока бесспорным представляется лишь один критерий: слово можно признать фактом субстрата, если оно не находит непосредственных соответствий ни в одном из живых языков, предполагаемых в качестве источников. Если говорить о финно-угорском субстрате в русском языке, то данное правило можно конкретизировать следующим образом: если этимологизируемая лексема обнаруживает явную близость финно-угорским данным по своим фонетическим и семантическим характеристикам и в то же время не может быть соотнесена непосредственно ни с одним из живых языков финно-угров – перед нами субстратное включение. Примерами могут служить слова *ш у г а* "лед на реке", *к у р ь я* "речной или озерный залив" и некоторые другие. Они имеют близкие по фонетическому облику и сходные по семантике соответствия в живых финно-угорских языках,

6 Против этого, однако, возражает А.А.Реформатский. – См.: Доля и сообщ. Ин-та языковедения АН СССР, т.9, с.113.

однако эти соответствия не объясняют элемента -га в слове пуга или элемента -й- в слове курья. Естественно объяснить отклонения наличием яэнка X, родственного живым финно-угорским яэнкам, но имеющего определенные архаические черты либо инновации в своей фонетической или морфологической структуре⁷. Причины исчезновения данного яэнка, очевидно, связаны с ассимиляцией его носителей русским населением. Таким образом, субстратное происхождение данных слов может считаться доказанным.

Однако данный критерий не может быть признан достаточным ввиду следующих причин: во-первых, он действует, только если речь идет о фактах яэнков, уже исчезнувших; во-вторых, далеко не все лексемы вымерших яэнков (и тем более диалектов) обязательно должны обнаруживать в своем составе дифференцирующие фонетические и морфологические признаки - они могут и не отличаться от лексем родственных живых финно-угорских яэнков; в-третьих, слова, характеризующиеся указанными чертами, весьма немногочисленны и, как правило, представляют собой метеорологические и географические термины, которые, по справедливому замечанию А.И.Попова, "легко путешествуют, шагая не только через диалектные, но и через яэнковые преграды совершенно свободно"⁸. Поэтому они могли: а) заимствоваться русскими смежными говорами еще в то время, когда яэнка(и) X существовал(и); б) получить широкое распространение, передаваясь из говора в говор (междиалектное заимствование).

Вторым, достаточно распространенным критерием отбора субстратных лексических фактов, является критерий тематического отбора, согласно которому заимствованная лексика, как правило, не включает в себя слов основного словарного фонда, в то время как субстратная лексика должна принадлежать к основному словарному фонду, т.е. представлять собой "устойчивые элементы" (В.И.Абаев) лексической системы. К

⁷ Впрочем, эти отклонения могут объясняться и русской адаптацией. Нельзя также исключать возможность того, что перед нами просто заимствование древней формы.

⁸ Попов А.И. Из истории лексики яэнков Восточной Европы. Л., 1957, с.25.

таким элементам относят основные местоимения, числительные, глаголы; названия частей тела, повседневных явлений природы; термины родства, основные социальные термины⁹. В.Венкер называет такие факты "избыточными заимствованиями" ("Luxusentlehnungen ")¹⁰.

Данный критерий, несмотря на его распространенность, представляется неприемлемым, по крайней мере, в рассматриваемом случае. На наш взгляд, он противоречит самому процессу возникновения субстрата, если понимать его по В.И.Абаеву, т.е. как "совокупность закономерных ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходя на новый язык..., а также то, что данная среда удерживает из своей родной речи, потому что не находит для него эквивалента в усваиваемом языке, а не только в силу плохого знания последнего"¹¹. Было бы более чем странно, если бы носители побежденного языка не находили в русском эквивалентов для слов рука, мать и т.п., либо хуже усваивали лексику основного фонда, чем экзотизмы. Поэтому более вероятным кажется, что субстратная и заимствованная лексика не должны разниться в тематическом плане. Что же касается "избыточных заимствований", то примеры подобного рода есть и при обычных контактах (ср. рус. глаз).

Третий критерий, применяемый при разграничении субстрата и заимствования в лексике – лингвогеографический. Суть его заключается в том, что для субстратных лексических включений признается типичным замкнутый, "островной" ареал, в то время как заимствованная лексика, как правило, бытует на всей территории, имевшей сходные историко-географические условия с территорией, занятой носителями контактирующего языка. Наиболее четко этот критерий сформулирован О.В.Востриковым. По отношению к территории Волго-Двинского междуречья этот критерий позволяет соотнести с субстратным "мерянским" языком такие лексемы, как в а и н "низкий, залитый водой берег, поросший травой", х о р "покос на берегу реки на месте заткнувшейся старицы", л а х о н и к

9 Абаев В.И. О языковом субстрате, с.60.

10 Veenker F. Die Frage..., S.143.

11 Абаев В.И. О языковом субстрате, с.60.

"низкое сырое место" и др. Характерно, что территориальный критерий находит подтверждение и в этимологии: для этимологизирования приходится привлекать данные разных финно-угорских языков – прибалтийско-финских, саамского, волжско-финских, пермских¹².

Указанный критерий представляется наиболее надежным. Нельзя не отметить его всеобщность: он применяется при интерпретации топонимических фактов¹³, лингвогеографическая методика – единственно надежная при выявлении субстрата как факта всей системы языка¹⁴.

Характерно, что "особенность" того или иного слова всегда ярко ощущают и сами носители говора, и жители соседних деревень. Часто о факте наличия "особого" слова сообщают именно "соседи". При этом, как правило, приводится дублетный "свой" термин. Надо полагать, что это не случайно: в условиях русского Севера ассимиляция обычно протекала на небольшой территории – в верховьях рек, обычно притоков больших водных магистралей, на берегах удаленных, глухих озер и т.п. Разница этноса ощущалась при такой изолированности достаточно долго, и стремление противопоставить себя "чужим" (хотя уже тоже русским) налагало определенные запреты именно на субстратные слова, в то время как заимствованная в результате торговых и т.п. контактов лексика победно шла из диалекта в диалект, ибо не являлась характерной чертой одного говора – зона контакта, например, с прибалтийско-финскими народами была достаточно протяженной.

Однако, признавая историческую обусловленность и отсюда высокую надежность указанного критерия, нельзя не отметить его слабую сторону: для ряда слов, восходящих к ассимилированным языкам (типа ш у г а, к у р ь я), этот критерий

12 Востриков О.В. География слова и выявление субстратных включений: к проблеме мерянского субстрата в русских говорах. – В кн.: Сопределение по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 12–15 ноября 1979 г.). М., 1979, с. 77–78.

13 См., напр., работы А.И. Попова, А.К. Матвеева.

14 См.: Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973, с. 152–153.

не действителен. Мы сталкиваемся с вполне закономерной трудностью: чем древнее субстратное включение (и, следовательно, чем значимее для нас его территориальная привязка), тем более оно подвержено междиалектному заимствованию, а, следовательно, тем труднее определить первоначальный ареал его бытования. Поэтому необходима разработка новых, дополнительных критериев выделения субстратной лексики.

При этом представляется плодотворным обращение к изучению системы лексики регионов, где ассимиляция коренного населения закончилась сравнительно недавно. Примером такой зоны может служить район Обонежья, в частности, Витегорский район Вологодской области. Здесь практически на наших глазах завершается процесс ассимиляции вепсского населения. Большинство вепсов полностью перешли на русский язык, даже в тех случаях, когда этническое самосознание ими еще не утрачено. С определенными оговорками можно говорить о "свежем" субстрате в данном регионе. Какими же чертами характеризуется лексика в таких условиях?

Прежде всего отметим всесторонность проникновения вепсской лексики в русский говор — трудно назвать область лексики, где нет слов, восходящих к вепсскому языку. При этом можно говорить о сохранении синонимии вепсских слов в русском (к я р е г а, к о р е г а "крепление косы", с а р а к и, р и г а ч и, ш о р п а к и "суковатые палки, крепящие стог" и пр.). Очень велико число слов, обладающих производностью в языке-источнике (к я р е г а "завертка", ш о р п а к "рогуля" и т.п.). Наконец, бросается в глаза уже отмечавшееся исследователями¹⁵ изобилие дескриптивных глаголов, характерное для финских языков и не проявляющееся до такой степени в русском на других территориях. Это явление можно рассматривать как системное лексическое взаимодействие.

Обобщая сказанное, можно предложить следующую методику анализа субстратной (в ее противопоставленности заимствован-

15 Дубровина З.М., Герд А.С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии. — СФУ, 1979, в 4, с.243-247.

ной) лексики русского Севера.

1. На исследуемой территории выявляется корпус лексем, этимологизируемых из финно-угорских источников или допускающих предположительное сближение с ними.

2. Выявленная лексика подвергается картографированию.

На основе картографических данных выявляются:

а) замкнутые, островные ареалы лексем (групп лексем);

б) зоны перекрещивания ареалов лексем широкого распространения с замкнутыми ареалами;

в) зоны перекрещивания нескольких ареалов лексем широкого распространения.

3. В выявленных зонах подвергается анализу вся заимствованная лексика, а также вся русская лексика, тематически близкая заимствованной. Выявляются факты полисемии и синонимии, основные семантические модели, степень широты охвата лексики иноязычными словами, степень однородности происхождения иноязычных слов. Степень однородности иноязычной лексики устанавливается либо на основании возведения ее к одному живому языку-источнику, либо на основании статистического анализа фонетической и морфологической структуры иноязычных слов в сопоставлении с фактами русского языка и живых финно-угорских языков¹⁶.

В результате субстратными зонами можно признать зоны, в которых зафиксирована однородная по установленному происхождению (или по формальным признакам) иноязычная лексика, характеризующаяся относительной специфичностью по сравнению со смежными территориями (т.е. содержащая лексемы, имеющие замкнутый ареал в пределах зоны), широтой тематического охвата, наличием полисемии и синонимии и обнаруживающая общность семантических моделей с русской лексикой зоны.

Слова, обнаруживающие неоднородность с основным корпусом иноязычных лексем, признаются заимствованиями для данной зоны.

Если лексема широкого распространения обнаруживает однородность по отношению к одной из зон, эта зона представ-

16 О применении подобного метода см.: Эрнсте Э. К выявлению субстрата в прибалтийско-финских языках. - СФУ, 1979, № 3, с. 129-134.

ляется очагом ее первичного проникновения в русский язык.

Лексемы широкого распространения, не обнаруживающие очевидной однородности ни с одной из зон (или наоборот – со всеми зонами), очевидно, потребуют иной методики анализа.

Фактами, подтверждающими правомерность выделения той или иной субстратной зоны, могут служить: наличие специфических для говора данной зоны фонетических и морфолого-синтаксических черт; возможность массовой интерпретации местной топонимии на базе языка-источника выявленной субстратной лексики.

Т.Н.Дмитриева

Уральский университет

К изучению лексики обско-угорского
происхождения в русских говорах Нижнего Прииртышья

Статья является продолжением и дополнением к предыдущим публикациям автора по этимологии собранных в полевых условиях лексических заимствований из обско-угорских языков в русских говорах нижнего течения Иртыша от Тобольска до Ханты-Мансийска¹. В статье рассматривается лексика, известная не только в Нижнем Прииртышье, но и на других территориях. Анализируемые заимствования уже были предметом внимания этимологов (Б.Кальмана, М.Фасмера, А.К.Матвеева, В.К.Штейница, С.И.Ольгович и др.), но в говорах исследуемой территории они до сих пор не изучались.

Материал представлен в виде словарных статей. В качестве заглавного слова дается корневое слово. При наличии фонетических вариантов заглавным считается вариант, наиболее близкий к языку-источнику (в редких случаях – наиболее употребительный вариант). Раскрывается семантика заимство-

1 См.: Чайко Т.Н. Новые данные об обско-угорских заимствованиях в русских говорах по нижнему течению Иртыша. – В кн.: Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978, с.79-91; Она же. О некоторых обско-угорских терминах охоты и рыболовства в русских старохильческих говорах по нижнему течению Иртыша. – В кн.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с.69-76.